

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Г 91

*Издательство выражает благодарность за предоставление
текстов сайту iz.ru и журналу «Русский пионер».*

Грымов, Юрий.

Г 91 Мужские откровения / Юрий Грымов. — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2019. — 256 с. — (Table-Talk).

ISBN 978-5-17-113831-8

Юрий Грымов – известный режиссер театра и кино, художественный руководитель театра «Модерн», обладатель более 70 профессиональных наград (Грымов – лауреат премий во всех областях творческой деятельности, которыми он занимался) – это формально точное, хоть и скупое описание можно прочесть в Интернете.

Гораздо сложнее найти там информацию о том, что Юрий Грымов – фотограф, автор, наблюдатель, человек, обладающий нестандартным взглядом на вещи и явления, на людей и события, на спектакли и кино. Его богатая биография включает в себя не только многочисленные путешествия, в том числе и одно кругосветное, но и встречи с интересными, талантливыми, знаменитыми людьми: Людмилой Улицкой, Алексеем Петренко, Алексеем Баталовым.

При этом он не только, как режиссер, видит то, что недоступно обычному человеку, он может про это написать. Написать легко, ярко, с юмором. В эту книгу вошли самые интересные тексты Юрия Грымова – воспоминания, отзывы, рецензии, рассуждения на актуальные темы – а также его фотоработы.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-113831-8

© Юрий Грымов, текст
© Юрий Грымов, фотографии
© ООО «Издательство АСТ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом сборнике небольших эссе, рассказов, рецензий и заметок я старался не притворяться и быть честным. Они могут показаться вам смешными, скучными, обидными, интересными, претенциозными — какими угодно. Я не знаю и не пытаюсь предугадать, какие чувства вызовут у вас это чтение. Хочу одного: чтобы эти чувства были искренними.

На этих страницах много личного. Цели доказать свою правоту и тем более кого-то обидеть нет. Есть цель — честно поговорить.

Я благодарен людям, которые меня окружают и без которых эта книга не появилась бы. Это моя супруга Ольга, мои коллеги по театру «Модерн», это мой друг и соавтор, замечательный редактор Михаил Моисеев. И, конечно, это те люди, о которых я пишу, — мои друзья, учителя, оставившие в моей жизни большой след.

Ваш Юрий Грымов

ВПОЛОБОРОТА

Последний синяк моего детства

Рассуждать о детстве могут только взрослые. Дети в нем просто живут. Не рассуждая и не задумываясь о том, что это такое. Потому что, как только ты начинаешь задумываться о своем детстве, это значит, что оно для тебя закончилось. И весь фокус в том, что понять, что такое детство, можно только уже в зрелом возрасте.

Мы все вспоминаем свое детство пунктиром — как вспышки самых ярких впечатлений и переживаний. У кого-то этот пунктир частый и подробный, у кого-то — отрывочный, редкий и непостоянный. От чего это зависит, я не знаю. Может быть, от тех взрослых, которые нас окружали в детстве, а может быть, от нас самих. В моих воспоминаниях о детстве осталось огромное количество солнца, проникающего в квартиру, и каждодневная «Радионяня» по радио. А еще я прекрасно помню, как мое детство закончилось.

У меня был игрушечный руль — такая палка, у которой с одного конца вращалась почти настоящая автомобильная «баранка», а с другой была присоска, с помощью которой вся эта конструкция крепилась к полу. Так вот, в какой-то момент я, недолго думая, прилепил эту присоску к себе на лоб. Предварительно основательно посплюнявив — как и положено в таких случаях. Я очень старался, да и присоска была качественная; в общем, руль

приклеился намертво. Он торчал у меня изо лба, как рог единорога.

Снять не получилось. Ни у меня, ни у бабушки. Она испугалась. Пришли с работы родители, посмотрели на меня в фас и в профиль и поняли, что так просто удалить эту красоту не получится. Все, что смог сделать отец, — он оторвал руль от палки. Я остался с красным деревянным «рогом» во лбу. Было решено ехать в больницу. Машины у нас не было — надо было ехать на метро. Но как? Родители прикрыли хитрую конструкцию пледом, однако, спасибо бабушке, она выступила решительно против этой драпировки, и было вызвано такси.

Я очень любил ездить на такси и был почти счастлив. Почти — потому что во время поездки выяснилось, что по понятной причине смотреть по сторонам у меня не получится: я в буквальном смысле упирался рогом в детали салона автомобиля. И потому в дороге я смотрел строго вперед, слушая тиканье счетчика и периодически ловя в зеркале заднего вида смеющийся взгляд таксиста.

Еще долго после того, как нас с рулем разъединили в больнице, у меня во весь лоб был гигантский синяк. Как напоминание о том, что детство прошло. А когда мы вернулись домой, нас ждала моя тетья, приехавшая в гости. Она всегда обнимала меня каким-то странным способом: крепко-крепко сжимала, причем так, что моя голова оказывалась у нее под мышкой. Так происходило всегда, каждый раз, когда она появлялась у нас в доме. Я до сих пор не могу воспроизвести этот удивительный способ объятий. Зато прекрасно помню смешанный запах пота и каких-то неприятных духов. Потом я узнал, что это была «Красная Москва»; тогда этот запах мне

страшно не нравился. Может быть, потому что тетя всегда общалась со мной как с маленьким.

Вообще, меня в детстве всегда раздражало, что взрослые, которые со мной заговаривали, переходили на птичий язык и начинали сюсюкать. Потом я понял, что многие взрослые считают, что если дети говорят на своем особенном, не совсем правильном языке, умилительно коверкая слова, — то они и думают так же. И, соответственно, детям якобы легче что-то объяснить, если начать имитировать этот детский язык. Полная ерунда. Хотя бы потому, что всякая имитация — это вранье и фальшь, а дети прекрасно чувствуют любую неправду. И зачем, спрашивается? Я не понимал этого в детстве: почему взрослые друг с другом разговаривают на нормальном и понятном языке, а когда наклоняются ко мне — вдруг начинают говорить так, что мне становится за них неудобно.

Наверное, поэтому я в детстве очень не любил кукольные мультфильмы. Не знаю, есть ли тут связь, но сейчас я думаю, что, возможно, я воспринимал кукольную мультипликацию как еще одну попытку взрослых сюсюкать с детьми. Во всяком случае, у меня в детстве было твердое убеждение, что создатели кукольных мультфильмов — это преступники. Потому что они делали нечто противозаконное и противоестественное. Я не задумывался над тем, какого наказания заслуживают эти люди за свое преступление, но в том, что они его заслуживают, я был уверен.

Еще о том же. Когда моя бабушка рассказывала о своей маме, моей прабабушке, как та имела обыкновение в какие-то особые дни печь блины, носить их в москов-

ские тюрьмы и угощать ими заключенных, она рассказывала это мне как нормальному взрослому человеку. Да и трудно вообще представить себе рассказ на такую тему в формате «сюси-пусси». И, может быть, поэтому я прекрасно помню тот разговор. Я спросил тогда бабушку: получается, прабабушка кормила уголовников? Она строго посмотрела на меня, погрозила сухоньким пальцем и поправила: «Политических».

Кстати, когда ты уже стал взрослый и научился «отматывать назад» свои воспоминания о детстве, это здорово помогает, когда появляются собственные дети. Ты прекрасно понимаешь, что когда твой ребенок живет в мире детства, то для него авторитет родителей — это величина не постоянная, не абсолютная и не вечная. Авторитетом в какой-то момент может стать любой прыщавый парнишка — сосед по двору, который, по мнению твоего чада, знает о жизни больше, чем ты.

И все наши разговоры о том, что «я лучше знаю», — они смешны. Почему? Да потому что это мы умеем «отматывать назад», а дети — нет. И иногда я им завидую. Не потому, что они живут без воспоминаний. А потому что они просто живут — сейчас, в каждое новое мгновение жизни, свободные от мыслей о прошлом или тревоги о будущем.

Не знаю, можно ли соединить эту детскую способность жить сегодняшним днем с жизненным опытом взрослого человека. Говорят, кому-то это удавалось. Но попросить этих людей поделиться своим опытом трудно. Этим людям обычно принято молиться. Или просить их молитв о нас — тех, кто возвращается в свое детство только в воспоминаниях.

Мой первый выход в космос

В моем позднем детстве не было «казаков-разбойников», я не играл д'Артаньяна в школьных спектаклях, и под нашим балконом никто не кричал: «Юра-а-а! Выходи!..» Я рос скромным мальчиком, мне была интересна живопись, я много ходил по музеям, художественным галереям, всматривался в картины, пытаюсь представить, что думали и чувствовали их авторы. Не могу сказать, что я был равнодушен к тому, что меня не брали с собой в «разведку» ребята во дворе. Конечно, меня это угнетало. Вниманием девочек я тоже был обделен. Но что делать бедному домашнему мальчику, у которого мало того что нет в активе ни одного «подвига», достойного внимания прекрасной половины, так еще и гормональная перестройка протекает во всей красе, и каждое утро, идя умываться, он с ужасом ждет, в каком еще неподходящем месте вылезет очередной прыщ? В общем, лет до четырнадцати жизнь была ко мне немилосердна и жестока — как, впрочем, к любому подростку.

А потом — я уже и не вспомню, как это случилось — кто-то спросил меня: мол, Юр, а ты бывал в «Чародейке» на Калининском? Что такое была «Чародейка» в 80-е годы — об этом можно писать книги. Слов «модное место» тогда еще не знали, советский человек относился к парикмахерским исключительно как к предприятиям сферы быта, но, конечно, эта парикмахерская была особенным местом. Стричься здесь было дорого. Зайти сюда вот так, запросто, было невозможно: слишком непривычно ощущал себя здесь рядовой гражданин. Я долго думал и решился: иду! Накопил деньги, приехал. Ми-

нут десять бродил взад-вперед перед входом. Прекрасное стеклянное здание в самом начале Калининского (да, именно прекрасное! с чем мы могли тогда сравнивать образцы советской архитектуры?) манило и пугало. Когда я вошел, с огромных рекламных фотографий на меня воззрились красивые женщины и мужчины с шикарными прическами. «Что, мальчик, тоже хочешь быть таким, как мы?» — как будто интересовались они снисходительно. Обстановка, цвет, свет, запахи — все другое, новое и необычное. Мастера-парикмахеры, поголовно женщины — в белых халатах. Зеркала в пол. Окна во всю стену. Я присел в сторонке в ожидании очереди.

Минут через пятнадцать из зала выглянула женщина лет сорока, медленно окинула взглядом мою фигуру, потом, не говоря ни слова, чопорно и властно поманила меня пальцем. Я уселся в кресло, она накрыла меня белой простыней. Передо мной на столике стояла целая батарея флаконов, бутылочек и баночек, от которых исходили неведомые ароматы. Рядом были разложены похожие на хирургические инструменты для стрижки. Мне казалось, что — вот, примерно так должен выглядеть изнутри межпланетный корабль. Это был космос, я был отроком во Вселенной, а надо мной совершался то ли научный эксперимент, то ли священный обряд.

Не спрашивая, чего я хочу, мастер принялась сама что-то делать с моей головой. Она прекрасно понимала, чего может хотеть четырнадцатилетний подросток с проблемной кожей, одинокий и никем не понятый. Когда она закончила, я понял, что эксперимент удался, обряд сработал и случилось чудо. В зеркале я увидел другого человека — похожего на меня, но другого: интересного,

привлекательного, «крутого». Даже прыщи на лбу не могли разрушить то впечатление, которое произвел я тогда сам на себя. Мне сделали модную прическу «Вихрь»: волосы взбили феном, начесали, да еще и чуть-чуть подкрасили, «перьями». Если бы моя волшебница не показала мне пальчиком — мол, освобождай место, я бы еще долго сидел перед зеркалом.

Жизнь моя изменилась мгновенно — тут же, как только я встал из парикмахерского кресла. Поменялась даже моя походка — независимо от моего желания. Пока я дошел до метро, я уже немного привык к себе самому.

В школу в понедельник я шел другим человеком. На которого — чудеса продолжались! — стали обращать внимание девочки.

— Юра, придешь ко мне на день рождения? — эта фраза, вскоре услышанная мной от одной из самых красивых девочек нашего класса, окончательно утвердила меня в убеждении: «Чародейка» — официальный филиал какой-то тайной организации волшебников, почему-то совершенно спокойно действующий в столице нашей Родины, городе-герое Москве, а его сотрудницы — жрицы, владеющие древним тайным знанием.

В конце концов в один прекрасный день у меня случилось полноценное свидание, с кафе и цветами. Мы с девушкой прекрасно провели время, но, когда мы, гуляя, шли уже по направлению к метро, чтобы там распрощаться, меня настигли естественные потребности: я захотел в туалет. Произнести несколько простых слов — «Прости, я отойду на пару минут в туалет» — я тогда был просто не в состоянии, это было выше моих сил. Я решил терпеть. Когда вдали замаячила красная

буква «М», я уже ни о чем другом думать не мог, кроме как: «Только бы до метро, только бы до метро... Вокруг прекрасные кусты. На автобусной остановке никого нет. Но только бы до метро...»

— Слушай, а может, проводишь меня до дома? — перебивает течение моих мыслей моя спутница. — Здесь недалеко, буквально одна остановка.

Это был первый момент, когда мои шлюзы чуть не прорвало. Я понял, что кусты достанутся не мне, а какому-то другому счастливцу. А мне предстоит еще несколько минут борьбы с собственным мочевым пузырем, который, казалось, был готов взорваться в любую секунду.

Мы спустились в метро, зашли в вагон. В вагоне было много свободных мест, и я с готовностью уселся рядом со своей дамой. С готовностью — потому что люди с опытом понимают: положение «сидя» дает некоторые бонусы находящемуся в моей непростой ситуации. Моя спутница о чем-то говорила — я не воспринимал уже ровным счетом ничего, не уверен, что смог бы назвать ее имя, если бы кто-то спросил меня в тот момент.

Мы вышли из метро.

— Вот здесь я живу, — говорит она. — Вон мои окна, на десятом этаже.

Господи, скорее бы!.. Еще пятнадцать шагов. Потом резко — за угол, а там — плевать, будут кусты или нет. Все, еще несколько шагов. Подъезд. Теплый свет от лопочки. Поцеловать? Да какая разница, лишь бы поскорее! Она открывает дверь.

— Ну, пока?

— Пока.

Моя дрожащая от напряжения нога делает шаг назад — туда, в темноту опускающейся ночи, к свободе! — и тут она робко произносит:

— Может, зайдешь?

Нет, я, конечно, не возненавидел ее в тот момент. По сути, это была настоящая победа: красивая девушка пригласила меня к ней домой. Но, боги, как же не вовремя!

Поднимаемся на лифте на десятый этаж.

— Смотри: я не знаю, дома ли родители, — говорит она. — По идее, не должно быть, они на даче. Но мало ли.

Начинаю всеми фибрами души желать срочного, аврального возвращения родителей. Пусть в квартире прорвало водопровод, канализацию и заодно произошла утечка газа — только пусть родители будут дома!!!

Моя спутница продолжает инструктировать меня:

— Зайдем, и, если ты увидишь, что на вешалке висят вещи — значит, они дома.

Вещи. Вещи родителей, будьте, пожалуйста, на вешалке... В тот момент диалог с родительской одеждой вел уже не я, а мой мочевого пузырь — лично, так сказать, без посредников.

— ...И тогда ты быстро проскакивай в дверь напротив — это моя комната.

Мать-перемать!.. План отступления рухнул. Вот там все и произойдет. Я живо представил себя в уютной обстановке девичьей комнатухи — с модной прической и в мокрых штанах. Стоп! Даже мысль об этом подтачивала мои силы, которых уже давно не осталось. Ничего

мокрого, ничего влажного, даже мысленно! Ну зачем, зачем я поперся в эту «Чародейку», блин?!.

Молитвы моего мочевого пузыря были услышаны: на вешалке действительно оказались родительские вещи. Но какое это имело значение, если моя подруга, судя по всему, была настроена в этот вечер не ограничиться обычным поцелуем в щеку у входной двери? Я обреченно перемещаюсь в комнату напротив, она шепотом произносит:

— Сиди тихо! Только никуда не высовывайся! Я сейчас, к ним схожу и вернусь.

«Не высовывайся»... Как же не высовываться, если по пути в комнату я успел заприметить спасительную дверь туалета? Моя спутница, оборачиваясь, наносит новый удар под дых:

— Может, вина? У нас есть «Свадебное белое».

Еще пара миллионов моих нервных клеток в этот момент приказали долго жить. Я понял: это все. На «Свадебном белом» все и закончится.

Моя гостеприимная подруга уходит, я бросаюсь к окну, открываю его, становлюсь коленями на подоконник и — даю волю чувствам. Прямо с десятого этажа — во двор, не думая, что или кто там, внизу. Не думая вообще. Наслаждаясь моментом полнейшей, экстатической свободы.

Постепенно ко мне возвращается способность слышать, видеть, осознавать происходящее вокруг. Я слышу пение птиц за окном, гул машин на улице, скрип открывающейся двери подъезда. Почти взошедшая луна уже принялась мягко очерчивать контуры крыш соседних домов своим серебряным карандашом. Вечерняя

прохлада ласково обнимает меня, как будто успокаивая: «Ну все, все закончилось, все хорошо...» Да, все хорошо. Все даже лучше, чем хорошо. Сейчас вернется подруга, и мы будем пить вино, и целоваться, и шептаться в темноте, и...

Поток моей благодарности мирозданию прерывает какое-то движение в углу комнаты. Оборачиваюсь, пытаюсь всмотреться в темноту. И секунда за секундой из тьмы дальнего угла, где, как я предполагал, должна была находиться большая кровать, начинает проступать какой-то жуткий силуэт, нечто белесое с двумя головами — светлыми пятнами. Это нечто чуть шевелится и дышит, уставив на меня свои глазищи. Момент мистического ужаса длится буквально секунду. А в следующий миг я понимаю, что двухголовое нечто — это мужчина и женщина, сидящие на кровати с бледными лицами и раскрытыми ртами. Прикрываясь одеялом, они остановившимися взглядами смотрят на освещенную тихим лунным светом фигуру, застывшую на подоконнике в странной позе, — на меня.

Я рос воспитанным и вежливым мальчиком. Поэтому в те пару секунд, что мне потребовались, чтобы выскочить из комнаты, я успел выдать из себя:

— Здрасьте...

Когда на следующий день мы с девушкой созвонились, она рассказала, что это были старшая сестра с мужем, которые неожиданно приехали откуда-то из Смоленска. Второго свидания у нас не случилось. А в «Чародейку» я потом приходил еще не раз. Чтобы вновь пережить космические ощущения.

Как я стал Че Геварой

Я всегда верил в силу искусства. Чем бы и где бы я ни занимался — почти всегда это было связано с творчеством. Даже в армии. В ряды Вооруженных сил (тогда еще Советского Союза) я попал не то чтобы против своей воли. Просто подоспел возраст, и в ситуации, когда у тебя папа — человек строгих принципов, а сам ты не слишком задумываешься о будущем, это был самый логичный вариант. Энтузиазма особого не было: армия так армия. В части я довольно неплохо устроился, став художником в клубе. Кто имел армейский опыт, тот в курсе: это должность — в топ-3 солдатской таблицы о рангах, наравне со штабным писарем и киномехаником. Где-то рядом еще хлеборез. Большого уважения со стороны сослуживцев к себе я не испытывал. Оно и понятно: все бегут марш-бросок или мерзнут, отбивая ноги на строевой подготовке на плацу, а ты в тишине и тепле пустого клуба рисуешь серп с молотом на очередном плакате к 23 февраля.

Но все поменяло искусство. В данном случае — искусство плаката. Это было в мае, в канун Дня победы. Я несколько дней усердно трудился, нанося на огромный, семь на три метра, металлический щит на полковом плацу изображение, увиденное в «Огоньке»: в спокойной и уверенной позе стоит советский солдат-герой в плащ-палатке и с неизменным автоматом ППШ в руке, а его с благодарностью и радостью обнимает освобожденный им узник концлагеря. Закончил я это монументальное полотно накануне поздно вечером, почти ночью. Семиметровый солдат-освободитель с прильнув-